

АННА ДАНИЛОВА

П С И Х О Л О Г И Ч Е С К И Й Д Е Т Е К Т И В

ШЕСТОЙ ГРЕХ

История побед начинается с истории
убийства

Эффект мотылька. Детективы Анны Даниловой

Анна Данилова

Шестой грех

«ЭКСМО»

2012

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Данилова А. В.

Шестой грех / А. В. Данилова — «Эксмо», 2012 — (Эффект мотылька. Детективы Анны Даниловой)

ISBN 978-5-04-177616-9

Одним из самых страшных грехов уже в начале христианской истории считалось уныние – такое безразличие к добру и к злу, царящим в мире, которое своей пустотой умножает зло. В унынии проводят дни обитательницы загородного поселка Бузаево, и стоит ли удивляться, что именно их внешне благополучный мир взорвет убийство, к которому причастна каждая. Убит тренер по фитнесу, и все улики указывают на Таисию, но разве в мире, пораженном бациллой смертного греха, хоть кто-то может назвать себя невиновным?..

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-177616-9

© Данилова А. В., 2012
© Эксмо, 2012

Содержание

1	6
2	7
3	14
4	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Анна Данилова

Шестой грех

© Дубчак А. В., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

*Завистники умрут, но
зависть – никогда.*

Мольер

1

- Mima, où Allen?¹
- Je ne sais pas. Il n'existe pas déjà pendant trois jours.²
- Il a Paris?³
- Je ne sais pas. Le domestique a dit qu'il a pris des notes, des pyjamas il a gauche sur le taxi.⁴

¹ Мима, где Аллен?

² Не знаю. Его нет уже три дня.

³ Он в Париже?

⁴ Не знаю. Служанка сказала, что он взял ноты, пижаму и уехал в такси.

2

Когда я выходила замуж за Нестора, мне было двадцать пять лет, я следила за собой и вообще считалась красавицей. Ему не стыдно было появиться со мной перед своими друзьями, такими же негодяями, как и он сам. Да и в любом другом обществе, где ему по штату было положено присутствовать вместе с женой, он любил похвастать мною, продемонстрировать всем мою красоту, молодость, плюс яркость сверкающих на мне бриллиантов. Мы с самого начала договорились с ним, что брак – это не тюрьма, а потому жили так, как ему хотелось, выполняя, однако, несколько несложных обязательств по отношению друг к другу. Таких, к примеру, как мое постоянное (как и положено домохозяйке) пребывание дома, включающее в себя многочисленные хозяйственные обязанности; готовность сопровождать его в любое время дня и ночи в соответствующем виде; а также гробовое молчание относительно всего того, что мне, бывает, приходилось услышать и узнать.

В сущности, обязанности мои были не такими уж и сложными. Я даже смирилась с тем, что у нас не будет домработницы. То, что я потом, уже живя в Бузаеве и общаясь с местными жительницами, узнала о роли в их жизни домработниц, повергло меня в такой шок, что я решила для себя: уж лучше я сама буду время от времени убираться в нашем доме, чем брать с улицы сомнительных хохлушек с бегаящими по сторонам глазками и желанием пообщаться своих хозяев. Хотя позже, конечно, бывало, что я приглашала к себе какую-нибудь девушку, работающую в одном из семейств по соседству, но лишь на несколько часов, только для того, чтобы она сделала генеральную уборку под моим пристальным присмотром. Что касается Нестора, то в его обязанности входило содержать меня и стараться как можно меньше меня огорчать. Надо ли упоминать о том, что самым большим огорчением для меня оказалась его неожиданная смерть!

Родилась я в Воронеже и первые годы жизни в Москве (я приехала поступить в вуз, в какой бы ни взяли, а не приняли меня никуда, и я устроилась продавщицей в продуктовый магазин на Масловке, там же, неподалеку от места работы, снимала комнату у одного бодренького ветерана) ходила как шальная, примериваясь к масштабам этого огромного города и пытаясь понять: ну есть ли здесь хоть кому-нибудь дело до моей персоны? А поняв, что я всего лишь атом, песчинка, и никому-то особенно тут не нужна, сначала расстроилась, а потом и успокоилась. Решила, что так, быть может, даже и лучше. Живи себе как хочешь, и не придется ни перед кем держать ответ за свои поступки. А поступки мои были, честно-то говоря, отнюдь не самыми благовидными. Я постоянно пребывала в процессе поисков мужа и действовала целенаправленно, стараясь почаще бывать там, где можно подцепить богатого мужика. Интеллигенция меня не интересовала вовсе, поэтому меня нельзя было заметить ни в театрах, ни на выставках и уж тем более в музеях или в консерватории. Я мелькала на открытиях (точнее, публичных фуршетах) супермаркетов, ресторанов, торговых центров, проводила вечера в футбольных кафешках, модных ресторанах и клубах, пока не поняла главного – и там-то я тоже всерьез никому не нужна. Я экономила на еде, подрабатывала уходом за своим ветераном, и все это для того, чтобы поддерживать себя в нужной форме и более-менее «выглядеть». И вот в какой-то момент я вдруг от всего этого устала и поняла, что все это мне смертельно наскучило и что я и сама уже не знаю, чего хочу...

Однажды поздно вечером глубокой осенью, когда Москва мокла под дождем и мне совершенно не хотелось возвращаться в эту пропитанную запахами мочи и лекарств квартиру, я просто шлялась по улицам, пытаюсь понять, почему в этой жизни все так несправедливо устроено и почему в миллионах уютных московских квартир нормальные люди ужинают или смотрят телевизор, обнимаются, радуются жизни, смеются, целуют на ночь своих детей, а я бреду

под этим нудным дождем неизвестно куда, отлично зная, что ничего-то хорошего меня в жизни уже не ждет. Появилась даже болезненная мысль: а не вернуться ли мне в Воронеж, к моей подслеповатой тетке Жене, не попросить ли ее подружку, тетю Соню, снова взять меня к себе, в районную библиотеку, и там, дома, если повезет, дожидаться предложения руки и сердца от какого-нибудь прыщавого «ботаника» с жирными прилизанными волосами и блестящими от тайного вождения глазками? И буду я ему по воскресеньям печь пироги с капустой, а он, устроившись на продавленном диване в съемной квартире, станет играть для меня на гитаре и петь сочиненные им в юности рыцарские баллады... Но мысль эта как пришла, так же благополучно и ушла, растворилась в остужавшем воспаленные мои мозги дожде.

В этот момент неподалеку от меня остановилась белоснежная сверкающая машина, и дверца ее распахнулась. Оттуда буквально выпала девушка в белом же (а как иначе?) плаще, с растрепанными волосами и размазанной по щекам яркой помадой. От нее пахло так, как если бы ее весь день до этого вымачивали в смеси из коньяка и крепких духов. Я успела рассмотреть ее красивое, яркое, но какое-то сонное, усталое лицо.

– Скотина, идиот! Ненавижу вас, мужиков! Вы все – кретины! Собаки! Вам, значит, можно пить, а нам – нельзя?! У нас равноправие... – Девушка была сильно пьяна и щедро пересыпала свою нестройную речь забористыми матерными словечками.

Из окна водителя как сплюнули:

– Сука!

Я отвернулась. Мне не хотелось видеть эту «чужую» сцену. Она была предназначена лишь для этих двоих, не поделивших свое право на алкоголь в эту дождливую ночь.

Я ускорила шаги.

– Ты, сука... – Это уже заговорила девушка, пытаясь догнать меня. Я слышала цокот ее каблучков по мостовой. – Да остановись же ты! Сто-ой!!! Сигаретки не найдется?

– Я не курю, – бросила я на ходу и прибавила шагу. – Блин, и не пью...

Машина бесшумно поравнялась со мной. Молодой человек, абсолютно трезвый. Бледное лицо, завиток мокрых волос на лбу.

– Не куришь и не пьешь? А что, разве такие еще бывают? – Глаза его смеялись.

И тут я разозлилась. У самой проблем полон рот! И у меня, в отличие от этих, бессящихся с жиру людишек, нет дорогой машины, да у меня, если разобраться, вообще ничего нет, кроме права на жизнь и возможности спокойно прогуливаться по улице! Нет, и тут они вмешиваются, пытаются меня во что-то втравить, отпускают какие-то шуточки, зубоскалят...

Я почти побежала. Прочь от неприятностей!

– Стой, подожди! – кричал водитель, почему-то хохоча во все горло. – Ты чего испугалась-то?! Подожди, я тебе денег дам! И до дому довезу! И цветов куплю...

Я бежала не оглядываясь, чувствуя, как в туфли мои набирается вода и ноги просто примерзают к ним.

– ...или кольцо с бриллиантом! Или машину вот эту подарю, только остановись!

Я даже не оглянулась.

– ... да я звезду тебе с неба достану! – расхохоталась ночь у меня за спиной.

Как все это пошло звучало на фоне неуверенного постукивания знакомых этому парню каблучков! Девушка между тем перебежала через дорогу, ругаясь непонятно с кем, бормоча себе что-то под нос, размахивая длинными руками, кому-то что-то доказывая, бедняжка. Почему-то мне подумалось, что так активно пить она начала с подачи этого господина в белом авто. Хотя, когда они познакомились, он мог быть и в черном авто, и в красном. Девушка тоже, может, как и я, родом из Воронежа или, скажем, Саратова, приехала покорять Москву, встретила на улице вот этого «хозяина жизни», он подобрал ее, как подбирают щенка или котенка,

пригрел, приручил, а потом забыл о ней... Вероятно, и этой бедняжке он тоже обещал звезду с неба достать. А вместо этого сунул ей в руки бутылку.

Машина проехала чуть дальше, остановилась, водитель вышел из нее и направился мне навстречу. Широко улыбаясь, он расставил руки в стороны, словно желая поймать меня.

– Убью, гад! – прошипела я, чувствуя необычайный прилив сил. В ту минуту мне показалось даже, что я в состоянии ударить его. За что? Совершенно непонятно! Просто так. Чтобы разрядиться. Чтобы он не думал, что может купить все! И всех.

– Ты такая хорошенькая... Куда собралась, на улице дождь-то какой?! Сидела бы дома, смотрела телевизор. Тебя кто дома ждет?

Так много вопросов! Но я не собиралась отвечать ни на один из них. Я хотела было шагнуть в сторону, обойти его, но Нестор (а это был именно он) вдруг схватил меня за руку и сильно ее сжал.

– Хочешь, поехали ко мне? – прошептал он, и его белое бескровное лицо напугало меня. Может, подумалось мне тогда, этот парень, так странно ведущий себя, – наркоман, поэтому-то от него не пахнет алкоголем?

– Скажите, почему я должна ехать куда-то с вами? – Я попыталась поговорить с ним вежливо. А вдруг он вооружен и в любую минуту готов выстрелить в меня? Просто так. Чтобы разрядиться, как только что собиралась это сделать я.

– Да нет, ты ничего мне не должна... Просто ты мне понравилась, вот я и пристаю к тебе. Что же тут непонятного? Мужчинам положено приставать к девушкам. Хотя сейчас все изменилось вроде бы...

– А как же... она? Та девушка?

– Она снова напилась. Дрянь!

– Когда-то же она наверняка не пила, была пай-девочкой, да? Ведь так все и было? И что же с ней потом случилось?

– Ей нравится алкоголь. Больше, чем мужчины. Она говорит, что все мужчины – предатели, а алкоголь – свой парень в доску. Но я не хочу, чтобы мы сейчас говорили о ней. Ты куда идешь?

– Ко мне вам не стоит приставать. Я не та девушка, что вам нужна.

– Ты хорошая, я это вижу. А хочешь, я женюсь на тебе? – Он гоготнул так, словно испугался своих же слов.

– Не стоит. Я – та самая «девушка из провинции», которая ищет себе богатого мужа, вот такого, как вы! – внезапно бросила я ему прямо в лицо, понимая, что уж тут-то он точно от меня отстанет. Хотя бы из-за моей шокирующей прямооты. – Да, да, и я не собираюсь это скрывать! Я устала от нищеты, от безысходности, от скуки, от бессмысленности своего существования... Все? Теперь вы отпускаете меня?

– Ты где живешь?

– Снимаю комнату.

– Работаете?

– Продавщицей. Может, уже хватит вам унижать меня?

Он попытался взять меня за другую руку, но я с силой выдернула ее:

– Да все, все! Оставьте меня, наконец, в покое!

...Я зажмурилась. Как же давно все это было! И Нестор тогда тоже был другим, в его крови еще бродил сладким вином некий романтизм, и от его сумасшедших, дерзких поступков захватывало дух не только у меня, влюбленной в него дурочки, но и у тех, с кем он вел свои опасные дела. Только узкий круг его друзей знал о существовании целых фабрик и подземных заводов, где производили огромное количество самого разного рода фальсификата, который потом заполнял всю Москву. Нестор когда-то начинал с подделки растительного и сливочного масла, сгущенного молока, чая, кофе, минеральной воды, тушеной говядины и меда;

а позже он перешел в весьма опасную, но очень прибыльную фармацевтическую отрасль – он скупал и привозил в Россию сырье и полуфабрикаты для лекарств «из Индии и Китая». Веселый циник, он смотрел на нравственную сторону своих занятий сквозь пальцы. Он любил деньги и делал их легко, без оглядки. Тратил, однако, при всем своем легком характере, он их довольно-таки умно – вкладывал средства в новые предприятия, открывал какие-то невероятные художественные салоны, галереи и магазины, в которых и пытался отмывать эти деньги. Я называла такие заведения мертвыми, поскольку ни один нормальный человек не стал бы покупать столь дорогие, к тому же весьма сомнительного свойства вещи, картины, предметы искусства...

Мой брак можно было бы назвать счастливым, поскольку все, к чему я так стремилась, у меня появилось. Дом, деньги, мужчина, которого я, как мне тогда казалось, любила. И только ощущение того, что я постепенно превращаюсь в животное, исподволь, постепенно отравляло эту мою новую жизнь, и я маялась, не понимая: чего же мне еще не хватает?

Я часто размышляла об этом и приходила к выводу, что мой брак – это как состояние полнейшей, предельной сытости после долгого периода жгучего голода, следствием чего является омерзительное чувство пресыщения, граничащее с тошнотой. Все мои цели, которые прежде представлялись мне такими невероятно важными, даже концептуальными, при ближайшем рассмотрении оказались простенькими, жалкими, как заштопанные чулки провинциалки. Поначалу эта сытость была тупым, натуральным обжорством, утолением неистребимого чувства голода – я действительно никак не могла наесться. Нестора это лишь забавляло, он никогда не подшучивал над этим, наоборот, он считал, что со мной все в порядке, что я веду себя самым естественным образом, а потому ничего предосудительного в этом нет. Но когда я начала набирать вес, он забеспокоился. И я поняла, что мне пора остановиться, что, распознав и изучив вкус недоступных для меня в прошлой моей жизни деликатесов, мне следовало бы теперь переключиться на нечто другое, что может составлять одну из многочисленных радостей жизни. Я окунулась в душный, пропитанный запахами шампуней, кремов, лаков и подпаленных волос мир салонов красоты. Мне нравилось ощущать на своем лице и теле заботливые руки Верочки, косметолога, Танечки, парикмахера, я научилась разбираться во всем, что касалось ухода за кожей и волосами, я стала любить себя так, как никто и никогда прежде меня не любил. Все свободное время теперь я посвящала уходу за собой, любимой: лимфодренаж, ультразвук, различные маски, дермобразия, Beautytek, Lierac, Bioderma...

Нестор однажды привел в дом одну женщину – красивую, какую-то суховатую и очень стильную (темные очки вполлица, узкое черное платье, ярко-красные губы) и представил ее Анной, сказал, что она хороший стилист и поможет мне подобрать гардероб, а заодно и научит меня всем премудростям, касающимся одежды. Она на самом деле многому научила меня, показала, где, в каких салонах и магазинах, лучше всего покупать одежду, после чего мы отправились с ней в Италию за хорошей обувью. Так, в приятном общении, и родилась наша с нею дружба, впоследствии перешагнувшая через вопросы моды, стиля, дорогих магазинов и умения держать себя на людях.

Словом, те два года, что я прожила с Нестором, пролетели в сплошных удовольствиях, и я ни одной минуты не жалела о том, что в ту дождливую ночь, когда мы с ним познакомились, я позволила ему проводить себя до моей комнаты на Масловке... Находясь рядом с ним и понимая, что он не любит меня так, как мог бы любить, что между нами все равно незримо присутствует нечто такое, что не дает нам возможности сблизиться духовно, я все равно не собиралась как-то менять свою жизнь. Да я жила бы так и дальше, если бы в один прекрасный январский вечер меня не пригласила эта же моя Аннета в консерваторию, на концерт одного не очень-то известного французского пианиста русского происхождения, Аллена Рея. В программе были произведения Шуберта, Брамса и Шопена. Я и прежде знала, конечно, сами имена этих великих композиторов, помнится даже, кое-что, написанное этими романтиками, нам ставили в

записях в школе, на уроках пения; но то, что я услышала тогда там, в Большом зале консерватории, заставило меня понять одну простую истину: в жизни есть еще масса удовольствий и открытий, ради которых, собственно, и стоит жить. И среди них – музыка!

Я сидела рядом с Аннетой и плакала, вслушиваясь в фарфоровое звучание фортепианных переливов. Стройный молодой человек, с шапкой кудрявых волос, с одухотворенным лицом, играл на рояле, полностью отдавшись музыке. Он был так чист, словно его только что вынули из коробки, как дорогую куклу, развернули хрустящую мягкую бумагу и посадили за рояль. Белоснежный воротничок, манжеты, длинные тонкие пальцы, невероятным образом попадавшие на нужные клавиши, черно-белая гамма окружавших его музыкантов оркестра – все это выдавало в нем человека с другой планеты. Мне было больно осознавать, что в жизни существует много такого, что мне, наверное, будет трудно постичь в силу своей внутренней зажатости, отсутствия воспитания и природного таланта восприятия. Я слушала музыку, и мне все сильнее хотелось плакать. И вспоминалась почему-то наша убогая квартирка в Воронеже, моя тетка, которая почти каждый день на ужин жарила картошку на подсолнечном масле, а на завтрак варила мне, уже взрослой девушке, манную кашу. «Интересно, – думала я, вглядываясь в такие же, как и у Аллена Рея, одухотворенные лица окружавших меня людей, – а о чем думают они? Может, тоже вспоминают свое детство? Или, наоборот, думают о том, как сложится их жизнь в будущем?»

Я задыхалась от переполнявших меня чувств и никак не могла понять, что же со мной происходит. Никогда еще я не ощущала так остро свою ущербность.

Я прикрыла глаза и сквозь ресницы взглянула на пианиста каким-то особым, долгим взглядом. И мне показалось, что вокруг него за клубился золотистый туман, заставивший исчезнуть весь оркестр. Аллен Рей взмахнул руками, как крыльями, оторвал свои волшебные пальцы от клавиш, но музыка не прервалась, она продолжила свое дивное звучание, а вот молодой человек в черном костюме, с белоснежным воротничком и такими же яркими белыми манжетами, встал и, найдя меня глазами в зале, поздоровался со мной одним взглядом, слегка кивнув головой. Потом он быстро и легко спустился со сцены, приблизился к тому ряду, где сидели мы с Аннетой (моя Аннета его даже не заметила, она продолжала смотреть, как завоороженная, на сцену), и мне ничего другого не оставалось, как, пробравшись между креслами, выбежать навстречу пианисту. Он взял меня за руки и сказал на ухо: «Ну, как тебе концерт?» Я ответила: «Он прекрасен! И жаль, что я не понимала этой музыки раньше».

Он повел меня за собой, мы вышли из зала, потом он помог мне в гардеробе одеться, и мы вышли на улицу. Было темно, морозно, и снег искрился и переливался в свете фонарей.

– Ну как тебе концерт? – спросила меня Аннета.

– Он прекрасен! И жаль, что я не понимала этой музыки раньше, – прошептала я, глотая слезы. Я не могла разобраться – как так могло случиться, что вместо Аллена Рея рядом со мной появилась укутанная в меха Аннета?

– Какой талантливый человек... Я многое знаю в этой жизни, разбираюсь в живописи, но с музыкой, особенно классической, у меня всегда были натянутые отношения, – призналась мне Аннета. – Возможно, я слушала не тех авторов и не в том исполнении. Сегодня же я получила колоссальное удовольствие... Вот представляешь, как сложилась бы твоя жизнь, скажем, если бы твой брат или отец были музыкантами такого уровня?

– Во-первых, я была бы всегда сыта, – ответ мой сложился моментально. – Во-вторых, у меня была бы своя комната и письменный стол. От моей мамы всегда пахло бы хорошими духами, а на Новый год мы собирались бы всей семьей и ели жареного гуся, и все окна гостиной переливались бы отраженными в них разноцветными огоньками наряженной елки. Еще в доме постоянно звучала бы музыка, и у нас всегда было бы много гостей. Важных и не очень. В школьные каникулы меня отвозили бы к теплomu морю, и мне не приходилось бы мыть полы и горшки в детском саду, чтобы заработать себе на зимние сапоги.

Аннета посмотрела на меня глазами, полными слез. Приобняла меня за плечи, и мы направились к машине.

Аннета ужинала у нас. Я, находясь под впечатлением от концерта, была не в меру рассеяна и вместо курицы подала суп. Нестор внимательно посмотрел на меня.

– Ты, случаем, не влюбилась? – спросил он, тронув меня за руку. – Очнись, принцесса!

– Влюбилась, влюбилась, – улыбнулась Аннета.

Без темных очков она выглядела как-то незащищенно и трогательно. Широкие скулы, полные губы, тонкие изогнутые брови. Я часто спрашивала себя: где Нестор ее нашел и как они вообще познакомились? Были они когда-нибудь любовниками или же их связывало нечто другое? В любом случае к Аннете, которая была старше Нестора лет на десять, я его никогда не ревновала. Я восхищалась ею и считала ее своей подругой.

– Она влюбилась сегодня в музыку, – сказала Аннета. – Мы ходили на фортепьянный концерт, слушали Брамса, Шопена, Шуберта. Чудесная, нежная музыка. Думаю, Нестор, что твоей жене надо почаще бывать на подобных мероприятиях. Правда, она там так расчувствовалась... Ну, ну, Таисия, не злись. В этом нет ничего такого... Это лишь свидетельствует о твоей тонкой душевной организации, а это неплохо. Особенно в наше время.

– Я бы хотела слушать подобную музыку каждый день, – сказала я Нестору так, как если бы я попросила его завести свой домашний симфонический оркестр и выписать лет на десять Аллена Рея из Парижа. – Мы постоянно окружаем себя роскошью – красивой мебелью, вазами, коврами, антиквариатом... А разве музыка – не роскошь? Разве это не роскошь – взять и посвятить целый вечер слушанию музыки?

Я не знала, как выразить словами то, что я хотела сказать. Но у меня было такое чувство, какое возникает у человека, случайно выигравшего в лотерею лет десять новой, полной чудесных превращений жизни, и теперь он точно знает, на что ее собирается потратить. От мысли, что теперь в моей жизни поселятся Шопен, Брамс и Шуберт (сначала хотя бы эти трое, а потом к ним примкнут и другие сочинители музыкальных шедевров), у меня захватывало дух.

– Тая, тебе понравилась классическая музыка? – Нестор посмотрел на меня как на ребенка и даже потрепал теплой ладонью по щеке. – Так-так... То ли еще будет! Что ж, это, во всяком случае, лучше, чем объедаться по ночам трюфелями и шоколадным печеньем. Ведь так, Аннета?

– А я так хорошо понимаю ее! Далеко не всем доступно получать удовольствие от прослушивания классической музыки, между прочим. Музыка надо понимать нутром, чувствовать ее сердцем, душой. От такой музыки люди становятся чище.

– Жаль, но мне это не грозит. – Даже несмотря на эту фразу, Нестор оставался весьма благосклонен к нам с Аннетой. – Честно. Значит, и чище я никогда не стану. Что поделать?

В тот вечер он отдыхал. Отменил все встречи, поездки и, завалив работой своих заместителей, просто наслаждался покоем. Я видела перед собой уверенного в своих силах молодого мужчину, который на первый взгляд казался вполне счастливым. У него был дом, жена, понимавшая его и не мешавшая ему жить так, как он хочет. Однако только я догадывалась о той смертельной скуке, той тоске, что он испытывал, достигнув всех своих материальных целей. В этом плане мы с ним были даже похожи, правда, наши схожие состояния дремали на разных уровнях, лично мне по жизни требовалось куда меньше денег, чем моему мужу.

Однако, возможно, именно в тот вечер, когда все мы втроем, уютно расположившись на диванах, лениво беседовали о роли классической музыки в жизни занятых людей (эта тема плавно вытекла из более общей темы влияния музыки на таких бездельниц, какой к тому времени стала я), я вдруг поняла, глядя на Нестора, насколько же он одинок и как же ему всерьез

плохо. Что именно с ним случилось, что мешало ему жить и радоваться жизни по-настоящему, а не притворяться, что он научился делать довольно талантливо, я поняла гораздо позже... Точнее, слишком поздно.

Но ведь эта история вовсе не о Несторе, а о том, что стало со мной после его смерти. После того как тяжелая, внезапная, стремительная болезнь унесла его.

3

- Гражданка Завалистая, вам знаком этот человек?
- Нет-нет... Я никогда не видела его прежде. Вернее... Я не могу разглядеть...
- Обойдите труп вот с этой стороны... А теперь?
- Да... Думаю, что я видела его...
- Ваш муж утверждает, что это труп вашего тренера из фитнес-центра «Коломбина» – Алексея Корнеева. Это правда?
- Да, это Леша...
- Вам плохо? Принесите воды!..
- Звон стекла. Пауза.
- Присаживайтесь. Скажите, Людмила Борисовна, когда и при каких обстоятельствах вы познакомились с Корнеевым.
- Полгода тому назад. Я пришла в «Коломбину», записалась на занятия, и меня определили к Корнееву.
- В каких вы были с ним отношениях?
- В нормальных... Он стал моим личным тренером, и с его помощью в нашем доме оборудовали небольшой тренажерный зал. Мы с мужем считали, что так будет удобнее, чем мне самой каждый раз ездить в город. Я не очень хорошо вожу машину.
- Когда вы в последний раз видели Корнеева?
- Сегодня. Мы занимались с ним с десяти до одиннадцати утра, после этого я отправилась в свой душ, он наверху, рядом со спальней, а Леша – в душ, расположенный между тренажерным залом и бассейном. Когда я вышла из ванной комнаты и подошла к окну, то увидела, как он идет по нашей аллее к воротам. Там, за воротами, он оставлял обычно свою машину.
- И что было потом? Он уехал?
- Разумеется, уехал! Во-первых, я сама это видела, а во-вторых, это может подтвердить секретарша моего мужа, она приезжала к нам за какими-то документами мужа. Она выехала практически следом за ним.
- Однако труп вашего тренера был обнаружен вашей домработницей здесь, в вашем доме, в морозильной камере. Как вы это можете объяснить?
- Но я не обязана никому ничего объяснять! Мы расстались с ним, и больше я его не видела. Он что, замерз там? Или его... убили?!

4

Дверь за Георгием закрылась. Людмила подбежала к окну и увидела, как он выходит из дома, спускается с крыльца и усаживается в машину. Он – свободный человек. Сейчас его машина вырулит на липовую аллею и медленно покатит к воротам, те автоматически откроются и выпустят ее мужа, как птицу из клетки. И клетка эта – их дом, их большой и красивый дом, с башенками, стрельчатыми оконцами и чудесной черепичной крышей. Не дом, а сказка! Вот только бывает здесь Георгий редко, а приезжая, он постоянно смотрит на часы. Даже по вечерам когда нормальные мужья расслабляются перед телевизором или засыпают, прижавшись к своей жене. Георгий не любит ни свой дом, ни жену, это ясно. И сколько можно переживать по этому поводу? Да мало ли мужей не любят своих жен? Если бы каждая жена, оказавшись на месте Людмилы, так тяжело, как она, переживала эту нелюбовь, то на улице не осталось бы ни одного светлого женского лица. Все ходили бы с заплаканными физиономиями, и женщины жалели бы себя и друг друга, видя в этом единственный смысл жизни.

Свое отношение к браку и к тому, что муж не хранит ей верность, Людмила изменила после смерти своей подруги – Кристины. Молодая женщина подхватила где-то воспаление легких и умерла в считанные дни. Как сказал ее муж, Кристи просто сторела. Ее не стало. Такие обыкновенные слова, но какая бездонная пропасть кроется за ними! Смерть. Что может быть страшнее? Измена... Да наплевать и размазать! Георгия целыми днями не бывает дома; он, слава богу, свою жену никогда не контролировал, не устраивал ей сцен ревности, и все потому, что ему абсолютно все равно, где она, что с ней. Тогда почему же ей не извлечь из этого обстоятельства выгоду? Прямую, натуральную выгоду, и не завести себе любовника? Причем молодого, красивого, страстного, которым можно будет вертеть так, как она захочет, который, как в волшебном сне, будет исполнять все ее, даже самые дерзкие, желания? Да перед ними откроется весь мир с деньгами Георгия!

Какая же она была дура, когда плакалась своим подругам, рассказывая им о том, что муж изменяет ей и что ее ничто уже не может обрадовать, поднять ей настроение. Деньги? Фу, какая пошлость! Разве можно с их помощью заглушить сердечную боль? Никакие тряпки или зарубежные поездки тоже не помогут. Да если она просто представляет себе своего мужа в постели с какой-нибудь малолеткой, у нее сразу пропадает даже аппетит, не говоря уже обо всем остальном.

Да, все так и было. Но – лишь до смерти Кристины. А после этого страшного события как-то ничтожны стали все эти душевные переживания и муки ревности, и ей захотелось жить, причем жить на полную катушку. Подумалось почему-то, что смерть, оказывается, неразборчива, и уносит она не только немощных стариков, которым уже пришел срок, но и молодых, полных, казалось бы, сил и жизни молодых девушек.

– Я же говорила тебе, Люся, не убивайся ты так из-за Гоши! Ну вот такой он, понимаешь? Мой Нестор – другой, он вообще закрытый, и что там у него на душе, о чем он думает, я никогда не знаю. Возможно, у него полно любовниц, а может, и нет ни одной. Я тоже сначала постоянно думала об этом... О том, что не знаю его, что, даже прожив с ним целый год, так и не научилась читать его мысли. Он, несмотря на то что мы с ним спим, едим, живем вместе, остался для меня каким-то... картонным, что ли. Не знаю, как тебе это объяснить, – Таисия, молоденькая соседка Люды, жена Нестора Борова (по слухам, весьма скромного и еще не успевшего попасть в поле зрения «Форбс» миллиардера), какое-то время не могла найти подходящее определение. – Нет, я не могу сказать, что мы с ним живем как чужие люди, но и близкими по-настоящему мы так и не стали... К тому же не забывай, что наши мужья – люди очень занятые. У них же каждый день расписан по минутам! Я понимаю, что это просто дежурные слова, но за ними – полное отсутствие у них свободного времени.

Тая сидела на диване, разглядывая свои ухоженные ногти, и видно было, что она говорит, нисколько не задумываясь о сказанном, и уж тем более не пропускает важную для Людмилы тему через себя. Так, девочка-картинка, у которой все в полном порядке. Ну и что, что Нестор не стал ей близким человеком, он ей таким никогда и не был, не то что Гоша Людмиле...

– Тая, дорогая, ты младше меня на десять лет. – Люся попыталась быть с ней вежливой, а потому отвечала соответствующим тоном, то есть в точности повторяя ее дежурные интонации. – У тебя впереди еще вся жизнь, к тому же ты, быть может, не так привязана к своему Нестору, как я к Гоше. Мы с ним прожили двенадцать лет, и я знаю, каким он может быть по отношению ко мне. Когда мы были бедны, мы любили друг друга, и каждый его успех был нашей общей удачей, семейной, понимаешь?.. И вообще, тогда у нас была семья. Сейчас же все изменилось. Он совершенно перестал интересоваться мной. А уж как на женщину и вовсе внимания на меня не обращает. Твой-то Нестор не смог бы не обратить внимания на такую красавицу, как ты.

– Да, я еще пока нравлюсь ему. Но, думаю, лишь потому, что он тоже молод и полон мужских сил. Хотя... Ох, Люся, я ничего не знаю... Но ты правильно сказала – смерть Кристины как-то встряхнула нас всех, кто ее знал. Она своей смертью напомнила нам о том, что мы должны дорожить своей жизнью, любить себя и не растрачивать попусту свои силы на разную чепуху. Подумаешь, муж изменяет! Да, это неприятно, и это бьет в первую очередь по женскому самолюбию...

Таечка вдруг оживилась, разговорилась. Спинку выпрямила, ручки сложила на коленях. Ну словно кукла! Определенно, у Нестора отличный вкус. И пусть она необразованна и не готовилась к браку с олигархом, как того требуют нынешние условия жизни – раз уж хочешь за богатого, стремись ему соответствовать (говорят, Нестор подобрал ее просто на улице, как голодного котенка, а до этого она продавала пиво в ларьке), – все равно она была интересным человеком, и в ней чувствовался некий человеческий магнетизм. К тому же от нее, в отличие от остальных знакомых Людмилы, не исходила опасность, не чувствовалось в ней жизненной угрозы потенциальной соперницы. Она была добрым и вовсе не подлым человеком, поэтому в ее присутствии можно было расслабиться и вести себя естественно.

– Да, ты права, – согласилась с ней Людмила, – мое самолюбие ужасно страдает. И что же мне теперь делать? Забыть о нем?

– О Георгии?

– Да нет, о самолюбии?

– Ни в коем случае! Просто надо уяснить для самой себя, что любовь не вечна и что на твоём месте мог бы оказаться и твой муж, если бы ты, к примеру, остыла к нему... Его холодность отнюдь не говорит о том, что ты подурнела, постарела, разжирела или что-нибудь в этом духе и якобы поэтому он предпочел тебе более молодую и привлекательную женщину. Нет, все дело в нём самом, в его мироощущении, понимаешь? Время сделало с ним то, что ты сейчас в нём замечаешь. Время и работа. Ну и еще, конечно, его окружение. Будь уверена, что, если ему станет плохо, он заболеет или – не дай бог, конечно, – у него появятся серьезные проблемы в бизнесе, он обратится за помощью или даже жалостью именно к тебе, к самому близкому и дорогому для него человеку. Вот скажи, Люся, ты любишь его?

– Думаю, да.

– Если любишь, то будешь продолжать любить его и такого, каким он стал. Но чтобы тебе было не так тяжело из-за этих неожиданных для тебя перемен, постарайся и ты найти в своей жизни что-то такое, что отвлечет тебя от невеселых мыслей и принесет тебе новые приятные ощущения.

– Любовника, что ли?

– Можешь и любовника завести. Все, что угодно, кого угодно... Я вот, к примеру, полюбила классическую музыку.

И тут Людмила расхохоталась. Как же смешно и нелепо она произнесла эту фразу! Словно похвасталась, дурочка. А чем тут хвастаться? Сплошной самообман...

– Люда, ты так странно посмотрела на меня... – почему-то порозовела Таисия. – Словно ты не веришь мне. Поверь мне, среди классической музыки, которая порой раздражает нас, даже просто действует на нервы, есть и такая, которая уносит человека с фантазией или просто много пережившего куда-то очень далеко. Это просто сюрреализм какой-то! Слушаешь музыку – и переносишься, телепортируешься туда, где тебе было либо очень плохо, либо, напротив, очень хорошо. А еще ты словно возвышаешься над собственными проблемами. И многое кажется тебе просто бесполезной суетой...

– Ты здорова, Таечка? – не удержалась от сарказма Людмила. – О какой телепортации ты говоришь?

– Ладно, оставим это, – еще гуще покраснела Тая. – Может, я просто пока не могу выразить словами свои чувства, но когда-нибудь я этому научусь. Просто я хотела помочь тебе как-то отвлечься от твоих проблем, от того, что отравляет тебе жизнь и мешает наслаждаться ею в полной мере. Поэтому и рассказала о музыке. О том, как она помогла и продолжает помогать мне. Но существует много других средств...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.